

Благословенный Богом, Рао с интересом посмотрел на Аньчжэна: "Я действительно не знаю, откуда ты взялся, человек с Центральной равнины, даже если это город Гаулуо, а не город Якоб в королевстве Куолуо, но это не твоя Центральная равнина. Неужели ты думаешь, что можешь здесь бесчинствовать? Если ты думаешь, что Огненный Танец Цзялоу сможет защитить тебя, то я советую тебе, Огненный Танец Цзялоу трудно защитить в одиночку. Луо Го. "

Он сузил глаза и сказал: "Теперь я даю тебе шанс на жизнь, передай серп смерти, я могу сделать так, чтобы то, что ты делал раньше, не произошло. Убил ли ты одного из наших старейшин в городе Якоба, я все равно могу простить тебя за то, что ты был груб со мной эти два раза. У меня все еще есть некоторый статус в Чжэн Чэнцзуне, и Владыка все еще может прислушаться ко мне. Отдай серп смерти, а потом переходи в мой Чжэн Чэнцзун, С твоей силой я даже могу рекомендовать тебя в старейшины. "

Ань Чжэн: "Еще не завершено".

"Что еще не завершено?"

"Ты еще не все сказал".

Ань Чжэн спросил: "Есть ли у вас в Чжэн Чэнцзуне человек по имени Бо Ян? Каков ваш статус в Чжэн Чэнцзуне?"

"Старейшина".

"О, тогда я убью двух старейшин вашей секты Чэнцзун, одного в городе Жак. Когда я вернулся домой, пройдя полпути через неизвестную деревню, я убил другого. Два старейшины умерли на моих руках, я не думаю, что ваш так называемый лорд простит меня. "

Лицо Бонгсонга стало немного уродливым, и после минутного молчания он сказал: "Таким образом, я дам тебе гарантию. Даже если ты убьешь двух старейшин, до тех пор, пока ты будешь готов отдать серп смерти и обратиться в Чжэн Чэнцзуна, ты один Два старейшины на вершине. "

Ань Чжэн пожал плечами: "Убийства двух старейшин достаточно, чтобы показать, что я лучше их? Если так, то..."

Ань Чжэн подался вперед, посмотрел в глаза Фэнсону и сказал: "Каков твой статус в Чжэн Чэнцзуне?"

Бонгсонг почувствовал в глазах Аньчжэна намерение убить, и его лицо стало злым: "Мое положение в Чжэнчэнцзуне очень особенное, никто не может его заменить. Что я могу гарантировать, так это то, что ты убил двух старейшин, пока ты подчиняешься мне, я могу гарантировать, что ты жив и будешь пользоваться беспрецедентными привилегиями в будущем. Если вы одержимы, вы действительно хотите сместить меня... Никто из вас и ваших друзей не доживет до возвращения на Центральные Равнины. Мало того, люди Секты Чэнцзун войдут на Центральные Равнины, Найдут твою семью, родственников, друзей и тебя никогда не отпустят. "

Ань Чжэн: "Мне нравится, когда другие угрожают мне серьезно. Чем серьезнее, тем лучше. Иначе, если я подумую, что ты шутишь, как мне начать?"

Благословите **** и покайтесь, а потом с сожалением поднимитесь наверх. Он подошел к двери и оглянулся. Четыре или пять охранников, которых он нес, все еще были внизу. Он видел бой Энна и знал, что тот ему точно не соперник. Причина, по которой он осмелился быть беспринципным в городе Гаулуо, заключалась не в том, насколько он был силен, а в том, что он... был сыном Элто Аунго. Все в городе Гаулуо знали об этом, и, конечно же, знали жители Куолуо, поэтому никто не осмеливался провоцировать его.

"Ты думаешь, что сможешь убить нас?"

Бонгсонг прыгнул со второго этажа и встал позади стражников: "У тебя еще нет такого навыка".

Ань Чжэн вышел из личной комнаты на втором этаже, держась за перила и глядя вниз: "Я не буду тебя убивать. Я должен оставить человека, чтобы он вернулся и доложил".

В глазах бога мелькнул проблеск надежды, он повернулся и бросился бежать: "Иди!"

Как только он бросился к двери, чтобы выйти, он увидел Ань Чжэна, вошедшего в дверь с руками за спиной.

"Как это может быть?"

Благословение Бога изменилось.

Даже если он знает, что он не противник этой Центральной Равнины, но он также является практиком культивации Сяотяньцзин, как он мог быть настолько медленнее другой стороны?

Он был уже близко к двери, а Аньчжэн все еще находился на втором этаже, но прежде чем выйти из комнаты, он подождал снаружи.

"Я сказал, что позволю кому-то вернуться, но не тебе".

Ань Чжэн сделал шаг, и мужчина уже стоял перед благословением Бога. Двое были близко, и даже дыхание можно было различить на лицах друг друга. Дань Божий кричал в ответ, но как бы он ни отстранялся от мира, он всегда держался от него на одинаковом расстоянии. Охранники, окружавшие Бонг Шенсуна, выстрелили и полоснули по шее Анженя. Когда раздался звук, нож действительно вонзился в шею Аньчжэна, но, к сожалению, первоклассный нож золотого уровня был вырезан из шеи Аньчжэна после того, как был разрезан в щель, которая была равна кривизне половины шеи. Вот так.

Ань Чжэн протянул руку и убрал нож, бросив взгляд на испуганного монаха: "Нож хорош, но недостаточно силен".

Он взмахнул этим длинным ножом, и голова практикующего тут же взлетела в небо. Затем длинный нож был выброшен, и второй приближающийся практик был пересечен длинным ножом. Мужчина смотрел на дыру в своем сердце, не понимая, почему Центральная Равнина была так быстра. Более того, это золотое оружие, и его можно открыть, но можно порезать шею противника, и нож развалился.

"К сожалению, магическое оружие".

Ань Чжэн взмахнул рукой, и длинный нож отлетел назад, с жалостью во рту, но он все же убрал сломанный длинный нож. Неполное золотое изделие - тоже золотое изделие, и его

хватит, чтобы накормить сломанный армейский меч в качестве закуски.

Там стояли два охранника и смотрели друг на друга, но не решались подойти. Два их спутника поднялись, но упали быстрее, чем поднялись.

Видя, что двое колеблются, Аньчжэнь был несколько недоволен: "Если вы не хотите подниматься, я советую вам двоим использовать камень-ножницы-бумагу, чтобы решить, кто будет жить некоторое время.

Я только что сказал, что отряжу человека для отчета в Эльто Ангкор. Самое главное в хождении по рекам и озерам - это слова. Я сказал, что жить одним - значит жить другим. "

Двое мужчин повернулись, чтобы бежать, и три фиолетовые звезды в левом глазу Анжен немного повернулись, и двое мужчин застыли на этом движении.

"Нехорошо."

Звезда в глазах Аньчжэн снова повернулась, и правые руки этих двоих были освобождены, только правая рука была освобождена.

"Теперь камень-ножницы-бумага, не заставляй меня ждать слишком долго".

Аньчжэн повернулась, чтобы посмотреть на благословение богов, которые отступили в дом: "Я только хотел сказать, если я убью тебя, сохранится ли твой статус в Чжэнчэнцзуне, но ты говоришь, что ты сын Ато, я смущен, ты знаешь? "

Благословение Бога: "Ты..."

Он тяжело сглотнул и сказал: "Хотя мы не знакомы друг с другом, я верю, что ничего нельзя решить. Если ты не убьешь меня, я обещаю дать тебе все, что ты хочешь. Пока я жив... Да! Не убивай меня, ты можешь поймать меня. Он даст тебе все, что я хочу от своего отца. У него есть только мой сын, он не может отказаться от меня. Не убивай меня, все можно обсудить. "

Аньчжэн придвинула стул и села: "Раз вы так искренни, тогда я дам вам шанс. Вы двое не используете камень-ножницы-бумагу, подойдите сюда, вы трое будете передо мной, и посмотрим, кто выйдет, а кто - двое других. Не одинаково, тогда это удача. "

Бонгсонг увидел, что двое действительно подошли, и это называлось гневом: "Вы двое, ублюдки! Не защищая меня, даже если кто-то из вас вернется живым, мой отец отпустит вас? Вы два идиота? Вы смеете бить меня по рукам?! "

сказал Ань Чжэн: "Они не знают, вернутся ли они назад и умрут, но если они не последуют моим словам, им придется умереть сейчас. Я сказал отпустить кого-то назад, и если он не вернется и не побежит сам, то я ничем не могу помочь. Самое главное - пройти по рекам и озерам, и теперь можно начинать. "

"Я не буду делать с ними такие унижительные вещи!"

Бонг громко крикнул.

Ань Чжэн о громко сказал: "Тогда сначала убей тебя, а потом пусть они качают ножницы".

Благословенный восхвалением Бога, он спрятался обратно: "Этот человек, ты действительно

не можешь убить меня, ты не можешь убить меня, если ты убьешь меня. Пока я не умру, мой отец даст тебе все, что ты захочешь".

"Прямо сейчас".

Ань Чжэн сел и указал на двух людей: "Смотри, они готовы ждать тебя".

Бонгсонг шел дрожащей походкой, наполовину испуганный, наполовину разъяренный. Он яростно смотрел на двух мужчин, но те намеренно игнорировали его. Никто не хочет умирать. Раз уж ладони и руки - единственный шанс выжить, зачем сдаваться? Вместо того чтобы сдаваться, отдайте свою жизнь удаче.

"Подготовка, ладони рук!"

"Хахахаха!"

Бонг Годсон безумно смеялся, три из них были ладонями его рук, только он сам, а остальные две были ладонями ладоней. Он дико смеялся, как будто был сумасшедшим. Он бросился перед Аньчжэном и, махнув рукой, крикнул: "Ты видел это? Видел? Я - тыльная сторона моей руки! Я победил! Ты сказал, что ходить по рекам и озерам - это нечто, что ты сказал!"

Ань Чжэн произнес: "Говори слова... Выиграй первым".

Он схватил за шею Благословение Бога и поднял его вверх, затем хлопнул по земле... Бум! Спина Бонг Шена сильно врезалась в землю, и он не знал, сколько этажей было сломано. Аньчжэн наступил на грудь Фэнсона, вызвал сломанный армейский меч и направил его в сердце Фэнсона: "То, что ты сейчас сказал, имеет смысл. Моя цель - не убить тебя, а убить твоего отца. Элтон Анг, если ты окажешься в моих руках, ты действительно сможешь угрожать ему. Но... между мной и грехом не может быть никаких переговоров. "

Аньчжэн ударил мечом и пронзил сердце Бонгсонга, меч разбитой армии прошел насквозь, и кончик меча снова вонзился в землю. Бонгсонг поднял руку и дико замахал ею, словно хотел схватить Анжэня перед смертью, и через некоторое время его рука мягко обвисла.

Сломанный армейский меч Анжэна несколько раз качнулся взад-вперед в сердце благословения Бога, а затем вытащил его: "Даже перед лицом греха я не люблю использовать угрожающие методы. Если битва выиграна угрозами, то лучше не сражаться. А ты переоцениваешь себя: даже если твой отец умрет, ты непустишь меня. У меня нет примирения и компромисса со всеми грехами в этом мире. Народ священный За грехи я не прощу. "

Он отошел и посмотрел на двух испуганных людей: "Теперь ваша очередь, камень-ножницы-бумага, быстрее скорость, я все еще спешу на обед".

Ань Чжэн сел и с щелчком положил длинный меч на стол. Люди в аукционном доме уже были напуганы до такой степени, что все выбежали, но люди внутри аукционного дома были под огнем Цзялоу Хуову. Когда они впервые увидели человека, столкнувшегося со злым человеком, им стало хуже, чем злым людям, но, не зная почему, они смутно чувствовали в своем сердце, что для лечения злых людей нужно использовать такие средства, которые хуже злых.

Ань Чжэн вытер сломанный армейский меч: "Давай, камень, ножницы, ткань".

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2198301>